

Культура. — 1996. — 17 февр. — с. 5.

Островок свободы

Виктор КУЗНЕЦОВ

— После парада, — звучит с экрана командирский басок, — будут выданы ценные подарки — для тех, кто примет участие. Кто не будет участвовать, не претендуйте. Извините, такая команда дана... Будут часы с символикой Дня Победы: или портрет Жукова, или орден Отечественной войны. Скорее всего — орден, то есть не орден, а с портретом Жукова... Кроме того, будут еще конверты, но не те, которые вам раздавали — пустые, а с содержанием.

... В ветеранском строю разговорчики: — Ну пряничками заманивают. — Ох, стыдоба.

Обмен мнениями продолжается и в колонне, готовой к параду:

— Зачем стариков гонять? Ну, надо было отметить торжественно, пройти в порядке демонстрации: кто в чем и как через Красную площадь. Как народ у нас всегда проходил.

— А я не согласен. Я вот не согласен. Парад есть парад. И может быть, — это последний у нас парад. А?

Это только фрагменты из документальных фильмов Б.Сарахатунова и В.Трошкина "День победы — полвека спустя" и "Последний парад"... От увиденного щемит сердце. Оно рвется из груди, когда видишь ветерана, забытого после парада на площади. Автобусы равнодушно запаминают перед ним двери, и фронтовик мечется в поисках какого-нибудь выхода...

Известная тележурналистка Алла Малик-Пашаева, тоже снимавшая подготовку Парада Победы на стадионе "Локомотив", рассказала мне, что наблюдала, как прихрамывающие ветераны прятали в укромном месте свои палки и посохи — с ними не пускали в строй. Колченогим там не место!..

Парад в честь 50-летия Победы и в самом деле может оказаться последним. Об этом с экрана предупреждает нас Виктор Петрович Астафьев. Интерес к победителям в Великой Отечественной пробуждается с юбилеями, но в будни сходит почти на нет. Ждать новые десятилетия ветеранам уже не под силу.

— Военная тема для меня — святая. Без особой нужды к ней не прибегаю, — говорит Борис Константинович Сарахатунов, встречу с которым неожиданно подарила мне судьба. — Здесь промолчать не мог.

В 1971 году на "Беларусьфильме" он снял фильм "Бронзовый солдат". А теперь — совместно с В.Трошкиным — сразу две картины. И хотя его собственный боевой путь ни в одной из лент не показан, все они, безусловно, — автобиографические (а что в искусстве не автобиографично?). Основные же вехи жизни самого Б.Сарахатунова сами способны составить сценарий фильма.

Сержант в офицерской шинели

Человеку с душой и талантом судьба, полная опасностей, уготована в любую эпоху. В 1942 году, едва окончив десяти-

летку, такой добровольно явится в военкомат. И на передовой не станет прятаться от пуль...

В предрассветных сумерках по тонкому, гнущемуся под ногами льду полковая разведка перешла Одер. И залегла у кромки левого берега.

В деревне, куда они вошли после артиллерийского боя, войск уже не было, а жители попрятались в подвалы. Расширение плацдарма, однако, задерживалось из-за наводки понтонных мостов, по которым пойдут танки и тягачи. Неожиданно провалились немецкие танки с пехотой, кричащей и матерящейся по-русски.

— Это было жутко, — вспоминает Б.Сарахатунов. — Какие бы они: власовцы — не власовцы, но свои, родные... Когда немцы, это ясно, а в русских стрелять очень трудно было.

Атаку удалось отбить, но вечером противник начал бешеный обстрел. Снаряд развалил каменную стену, рухнувшую прямо на командира взвода. Его заметили по торчащим из завала пальцам, откопавшим и собирались уже хоронить — ободранный и окровавленный сержант не подавал признаков жизни. Кто-то догадался поднести к губам зеркальце. И оно чуть-чуть запотело. Очнулся разведчик в медсанбате. Долго мучили его потом отголоски контузии — вдруг начинал плохо слышать, и с речью — вплоть до середины 50-х — были неполадки.

В строй сержант вернулся через две недели. И вновь мотался с ребятами по переднему краю, определяя дислокацию отступающих частей противника, беря "языков"...

— Однажды, — перебирает в памяти Борис Константинович, — не помню уже, в каком городе, видим: ходит перед нами генерал — колоссального роста, в синем кителе с погонами, в позументах... Ясно — надо брать! В ближайшей подворотне мы его скрутили и — в подвал до прихода своих... Двоих отправили через линию фронта — сообщить: где, как, что... Вошли в город наши, притаскиваем пленного в штаб. Выясняется, что это вовсе не генерал, а обыкновенный пожарный, брандмейстер. И ничего не знает, а только дрожит от страха. Долго потом — чуть не до самого конца войны — потешались над нами, как мы "генерала" пленили. А ведь было удивительно, что генерал — здоровый, больше нас! — почти не сопротивляется. Мог бы раскидать нас запросто. Так оказался брандмейстером! Вот так мы — совсем мальчишки тогда — в Германию вошли...

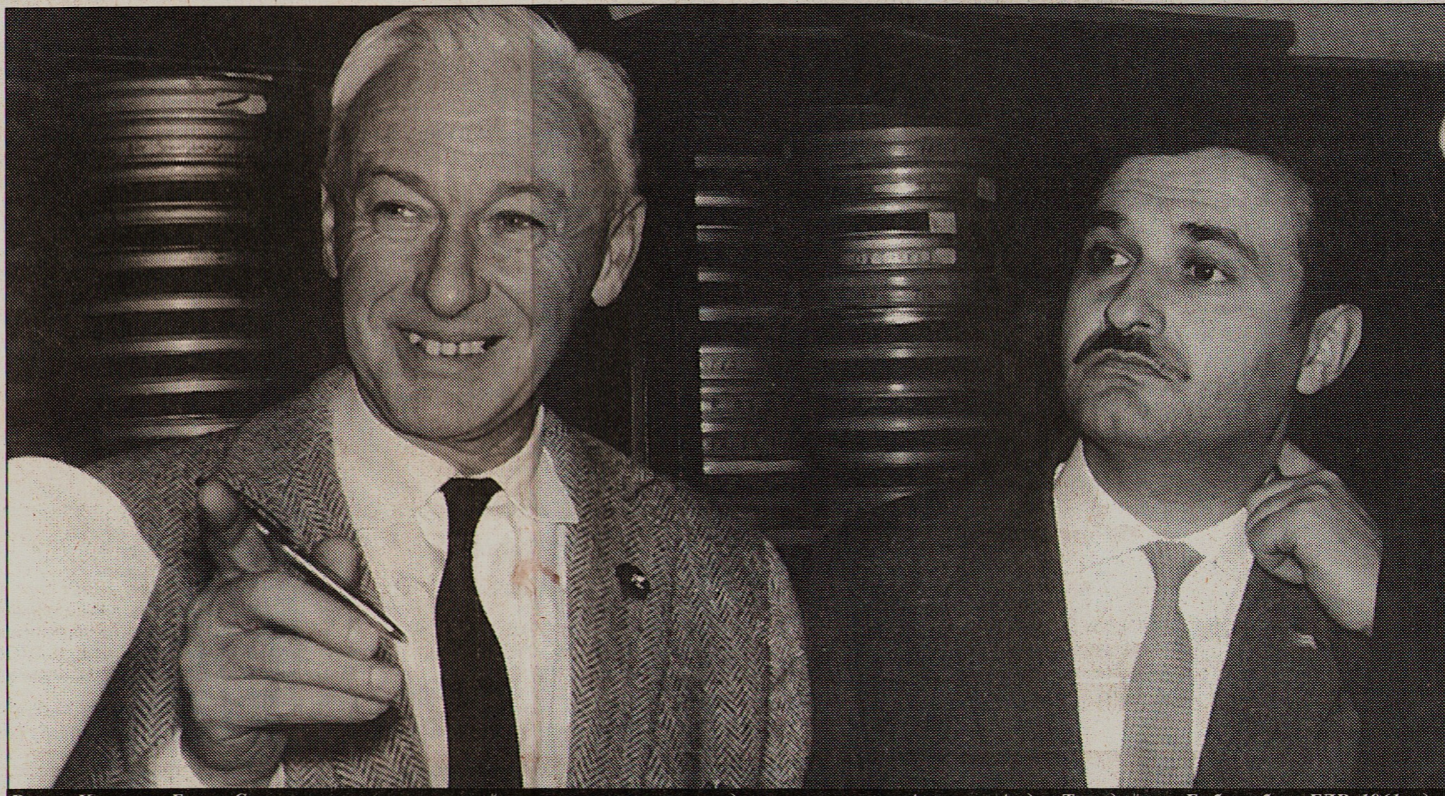
День Победы разведчик встретил в сilesском городе Вальденбурге посреди незнакомой квартиры — на перине, в сапогах, в обнимку с автоматом.

— Вошли в этот город без боя, — рассказывает он. — Здания, какие там сохранились, все облеплены белыми флагами. Но ни одного жителя, совершенно никого... Небольшой сilesский городок. Рабочий класс, шахтеры. А ушли!.. Все... И вдруг нам сообщают: "Все, привет! Войне конец!" Елки-палки! Можете себе представить нашу радость: мальчишки остались

живы!

Кто-то обнаружил склад ликеров и шнапса, и полк предался Бахусу... Очнулся сержант, выглянул на улицу. Ни души! И похолодел: война хоть и кончилась, но не окончилась... Тут из подворотни еще солдатик выглядывает, потом второй... Вместе догоняли они свою часть, ушедшую на Прагу. И вручили командиру полка подобранный в дороге лимузин, радуясь, что полк не успел вступить в бой, — сочли бы дезертирами, отправили бы под трибунал.

Бои в Чехословакии продолжались до 14 мая. Немецкая группировка сдаваться не хотела, и у разведчиков была масса дел...

Роман Кармен и Борис Сарахатунов в монтажной комнате немецких кинодокументалистов Аннели и Андре Торндайков. Бабельсберг. ГДР. 1961 год

живы!

Домой взводный возвращался в тамбуре переполненного вагона. Ехал с орденами, медалями и нашивками на офицерской шинели — той, что носил в армии. Ведь несмотря на солдатское звание, занимал офицерскую должность. И правдами, и неправдами сам отбивался от звездочек на погоны — с ними после победы не удалось бы демобилизоваться. А значит — поступить в давно уже облюбованный ВГИК.

В родном Тбилиси на вокзале демобилизованного встретили мама, брат и... военный патруль: "Почему не по форме? В коммандатуру!"

Повели, сзади мать — плачет. Брат увещевает патрульных: "Как вам не стыдно?... Человек с фронта вернулся..." "Все, никаких разговоров..."

Ретивых, не нюхавших пороха юнцов удалось унять — вручили им какую-то взятку, чтоб не портили праздник... И в те

былинные времена за деньги или спиртное можно было получить практически все.

Кинокамера и океан

В августе 1946 года Б.Сарахатунов сдал вступительные экзамены во ВГИК. Среди его друзей-однокашников — Сергей Параджанов, Валентин Ежов, Марлен Хуциев, Лев Кулиджанов, Григорий Чухрай, Василий Соловьев... Среди учителей — А.Довженко, В.Пудовкин, С.Эйзенштейн... Сценарное мастерство преподавала Нина Фердинандовна Огаджанова — сценарист фильма "Броненосец "Потемкин"..."

Операторское искусство вел приемный сын М.Горького Желябужский. На лекциях он обычно предлагал: "Лучше я вам расскажу историю из своей жизни". И выдавал что-нибудь поразительно интересное, но не относящееся к киносъемке... Будущие сценаристы очень любили эти так называемые лекции...

В 1951 году — в самый разгар малокартинья (10 фильмов в год снималось тогда в Москве и 8 — на республиканских студиях) — Б.Сарахатунов получил диплом кинодраматурга. Никакого распределения не полагалось, и он, избрав стезю кинодокументалиста, самостоятельно рванул на Дальний Восток — к тигроловам, рыбакам, летчикам, вулканологам... Отыскал на окраине Владивостока клуб железнодорожников, где отснятую пленку обрабатывали в банках из-под аккумуляторов от подводных лодок. Из проявленного студия кинохроники монтировала кино-

журнал "Советский Дальний Восток".

Вскоре студия переехала в Хабаровск, в 1955 году 30-летнего неопита назначили ее директором.

Дальний Восток, край экзотических красот, был еще и островком свободы — личной и творческой. Приезжая в Москву, Б.Сарахатунов непременно сманивал к себе кого-нибудь из молодых коллег. И обеспечивал полное профессиональное приволье. Прошли его школу многие известные ныне мастера. Федора Фартусова, ассистента оператора знаменитой "Повести о нефтяниках Каспия", рекомендовал Б.Сарахатунову его друг Роман Кармен. Некоторых направило Госкино. Андреас Сеет снимает теперь фильмы в родной Эстонии, Александр Косачев и Лев Зильберг — на Центрнаучфильме; верны своей профессии и Сергей Мединский, Аскольд Караваев, Борис Карпов, Станислав Кушель...

Проработав на Дальнем Востоке 18 лет, Б.Сарахатунов выпустил больше двухсот фильмов и киножурналов. В середине 50-х он задумал полнометражный фильм "Дальневосточные рассказы". Снять первую новеллу — "Океан" — киногруппа вылетела на остров Беринга.

Шла сельдевая путина. И рыбная разведка — косяки сельди хорошо видны сверху — со специального разведывательного самолета указывала координаты рыболовецким судам. В Петропавловске-Камчатском в Ил-14 подсадили двух специалистов по морским котикам: на острове Беринга, как известно, крупнейшее лежбище. И в хвостовой отсек погрузили их железные ящики...

— Летим, — вспоминает кинематографист. — Погода прекрасная, ни облачка. Среди лазурной глади показались зеленые бугры Командор. Зеленые острова от травы — на них нет ни кустика, ни деревца... Аэродром на вершине сопки. Полоса одним концом упирается в океан, другим — в болото... Самолет делает круг, второй, снижается, но шасси не достают уходящей полосы. Наконец самолет коснулся земли, подскочил, опять коснулся. И снова подскочил... Видим в иллюминаторы, как люди на аэродроме что-то кричат, машут... Вышел бортмеханик, говорит: "Ну, ребята! Все — прощайте". Тут самолет взмыл свечой вверх, развернулся на 180 градусов в воздухе и плюхнулся на мягкую тундровую подушку рядом с полосой. Мягко так — бряк! Видим — отвалились оба мотора. Мы все бегом к двери. А ее завалили тяжелые ящики этих специалистов по котикам. Так разбросали ящики — как пуховые подушки. Открываем дверь. За ней пограничник: "Ваши документы!" И хотя рядом на раскаленные моторы из оборванных трубок струился бензин, пришлось объясняться с ним, исполняющим служебную обязанность... Самолет не взорвался и не загорелся. Между прочим, Василий Песков, побывав на острове через некоторое время, опубликовал в "Комсомолке" очерк "Острова в тумане", где наш обескрылевший самолет изображен был как жертва непогоды. Действительная же причина аварии — отказали тормоза. И летчик Крысин, выключив один мотор и дав полный газ другому, сделал почти невозможное: развернул летящий самолет. Иначе мы упали бы в океан. Он спас жизни: наши и свою...

В аэропорт Никольское прибыл новый самолет. Киногруппа продолжила свою работу. "Океан" завоевал множество международных призов.

Увенчаны лаврами на представительных кинофестивалях — в Венеции, в Монтвидео — и другие дальневосточные картины Б.Сарахатунова. В далекие теперь годы, когда мало кто сомневался в неисчерпаемости природы и необходимости ее преобразования, в его фильмах настойчиво звучал мотив защиты хрупкой и ранимой живой оболочки планеты.

Я потому, наверное, и люблю документальное кино, что школьником смотрел "Дальневосточные рассказы", "Тигролов", "Морских котиков". Памятны эти фильмы не только моим сверстникам — завсегдагатаям кинотеатров 50—60-х годов, но и людям постарше. Я почему-то уверен, что их охотно посмотрели бы и наши дети, и внуки.

Однако даже ленты о Дне Победы не могут пробиться к зрителям — в кинотеатры или на ТВ. Мне повезло — я смотрел их на ЦСДФ, в уютном просмотровом зале, куда меня пригласили Б.Сарахатунов и В.Трошкин. Мне было не только чрезвычайно интересно, но и грустно, что эти честные, добрые, человеческие и удивительно проникновенные фильмы недоступны большинству россиян. Я ощущал силу искусства, сотворенного мастерами, которым есть что сказать людям. И думал, что документальное кино способно, переняв эстафету у литературы, стать острой и своевременной совестью общества, ибо кинодокументалист в России сегодня больше, чем кинодокументалист.